

А.И. Рупасов

**ХАРРИ ХОЛМА.
ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДИПЛОМАТОВ ФИНЛЯНДИИ**

В статье рассматривается деятельность кадрового финского дипломата Харри Холма (1886–1954). Начав свою дипломатическую деятельность в 1919 г. в финской миссии в Копенгагене, позже он занимал посты чрезвычайного посланника и полномочного министра в Германии (1921–1927), Франции (1927–1943), Ватикане (1943–1953), Италии (1947–1953). В статье анализируются его взгляды на происходившие в Европе политические процессы.

Ключевые слова: Харри Холма, Финляндия, международные отношения, Вторая мировая война, межвоенный период.

A.I. Rupasov

**HARRY HOLMA.
ONE OF THE FIRST DIPLOMATS OF FINLAND**

The article discusses the activities of the Finnish diplomat Harri Holma (1886–1954). Having started his diplomatic activities in 1919 in the Finnish mission in Copenhagen, later he held the post of Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary in Germany (1921–1927), France (1927–1943), the Holy See (1943–1953), and Italy (1947–1953). The article examines his views on what was happening in Europe's political processes.

Keywords: Harry Holma, Finland, Ministry of Foreign Relations, 1920–1953, World War II.

Приобретение Финляндией независимости поставило задачу формирования внешнеполитической службы. Подбор кадров как для центрального аппарата МИДа, так и для дипломатических миссий оказался сложной задачей. В заброшенный невод попали весьма разные люди. Одни из них довольно быстро покинули службу по профессиональной непригодности, как Карл Вальтер Борис Гюлленбогель, другие — в силу принципиального отказа выучить финский язык, как, например, Оссиан Доннер. Среди призванных служить за рубежом оказалось и несколько академических ученых, в том числе филолог и этнограф Густав Рамстедт, ассиролог Харри Холма и др.

Харри Густав Холма (до 1906 г. носивший фамилию Хелльман) родился в 1886 г. После окончания лицея в 1903 г. он избрал академическую карьеру: в 1907 г. — магистр философии, а в 1914 г. — доктор философии. Вместе

с тем академическую карьеру ему удавалось совмещать с довольно активной журналистской работой, что волей-неволей создало ему довольно широкую известность, однако, как оказалось впоследствии, отразилось и на его дипломатической работе, когда желаемый начальством анализ замещался словесным кружевом. За год до начала Первой мировой войны он получил должность доцента Гельсингфорского университета, его специализацией были ассирийский и семитские языки. Помимо работы в университете он исполнял обязанности директора библиотеки Финляндской академии наук и Дома научных обществ. В 1910–1911 гг. Холма совершил несколько научных поездок в Германию. Начавшаяся в 1919 г. дипломатическая карьера не подтолкнула его к полному отказу от прежних научных интересов. В 1920–1940-е годы Холма опубликовал ряд научных работ¹.

Занимавшийся подбором кадров для своего ведомства первый глава МИД Финляндии Отто Стенрут в июле 1918 г. назначил Х. Холма главой архивного отдела, однако на этой должности тот не задержался, так как уже в сентябре был направлен в Германию для обучения финскому языку и финской культуре избранного королем Финляндии гессенского князя Фридриха Карла². Уроки прекратились после того, как в начале декабря князь заявил об отказе от финляндской короны. По возвращении на родину Холма подал в отставку с поста главы архивного отдела и несколько месяцев сотрудничал в Центральном комитете помощи Эстонии, но уже в июне 1919 г. он получил назначение на пост пресс-атташе в финляндской дипломатической миссии в Дании. Его дипломатическая карьера продолжалась до 1953 г. Судя по всему, служба в Копенгагене была высоко оценена его начальством, так как 4 сентября 1920 г. он стал исполняющим обязанности поверенного в делах Финляндии в Германии, а 18 июня следующего года — посланником в Германии (с ноября — по совместительству и посланником в Австрии³). Впрочем, кадровые изменения в МИД Финляндии нередко обуславливались острой нехваткой лиц, хорошо владеющих иностранными языками и, что не менее важно, обладающих определенными финансовыми средствами, так как должностные оклады далеко не всегда позволяли поддерживать необходимый имидж⁴.

Берлин в начале 1920-х годов постепенно возвращал себе положение одного из основных центров европейской политики. Работа в германской столице явно пришлась по душе новоиспеченному посланнику, а стремление дать исчерпывающий анализ динамики германских внутривнутриполитических и общеевропейских событий оборачивалось более чем пространными рапортами руководству, обильно сдобренными пересказом слухов и спле-

тен, газетных публикаций. По его собственным словам, работа дипломата — изящная, тонкая мозаика, не позволяющая ему пренебрегать самым малым членом общества, от которого можно получить хотя и ничтожную, но важную для целостной картины информацию⁵. Холма явно с удовольствием брался за перо, он десятилетиями поддерживал обширную переписку с огромным количеством политических деятелей, своих родственников и друзей. Едкое замечание возглавлявшего в годы Второй мировой войны правительство Финляндии Эдвина Линкомиеса относительно аналитических способностей Харри Холма — поверхностный наблюдатель, мысль которого скачет, не затрагивая при этом сути дела⁶, — все же представляется излишне категоричным.

Неизменной темой в берлинских рапортах Холмы, помимо суждений о германо-французских отношениях и экономической политике Германии, была тема угрозы, которую для Европы и особенно для Финляндии представляет советская Россия, в объятиях которой может оказаться Германия в силу ошибочной политики Франции и Великобритании. Эта тема и проблема исходящей от Коминтерна опасности на протяжении ряда лет будут присутствовать в его частной переписке с главой Центральной сыскальной полиции Финляндии Эско Риекки. При этом он не верил заверениям престарелого Сергея Николаевича Сверебеева, последнего посла Российской империи в Германии, что эмиграция способна добиться падения большевиков. Рапалло повергло финляндского посланника в ужас, так как, по его мнению, такое германо-советское сближение приведет к тому, что из Финляндии сделают «колбасу». Оценивая отношение высокопоставленных чинов МИД Германии к советской политике на востоке Балтики, Холма писал в мае 1924 г. Карлу Энкелю, что те испытывают даже какую-то злорадную радость от того, что позиция России доставляет другим балтийским государствам заботу и беспокойство⁷. Вместе с тем ему представлялось вероятным и совсем апокалиптическое развитие событий — захват Германии большевиками, за которым последует падение Франции, после чего наступит и черед всей Европы⁸. Впрочем, в следующем году он доводил до сведения нового министра иностранных дел социал-демократа В. Войонмаа относительно оптимистичную оценку ситуации германской стороной: у Финляндии в запасе десять лет покоя, прежде чем Россия окрепнет⁹.

Отношения с СССР неизменно оставались для Холма одной из самых актуальных тем, занимавшей, в частности, значительное место в его личной переписке с финляндским посланником в Москве К.П. Артти. Однако «русская тема» порой всплывала в самых разных формах в период его пре-

бывания на посту посланника Германии. Когда в конце 1926 г. стали распространяться слухи о возможном изменении позиции СССР в отношении Лиги Наций и даже о возможном вступлении в эту организацию, то Холма поинтересовался у Г. Штреземана, как он оценивает эти слухи. Штреземан ответил: Чичерин и Кремль в такой степени связаны своим антижневским взглядом на мир, что Чичерину будет очень трудно внезапно начать изображать раем то, что он до этого рисовал преисподней¹⁰.

Неизменно служившая раздражителем в советско-финляндских отношениях проблема русской эмиграции также время от времени становилась объектом его размышлений, иногда ему приходилось получать и специальные запросы руководства по этой проблеме. Так, в начале ноября 1926 г. глава МИД Э.Н. Сетяля запрашивал его: «Нельзя ли получить информацию, организована ли здесь [в Берлине] русскими эмигрантами для своих офицеров военная подготовка. Вопрос вызван намерениями открыть подсобные курсы здесь [в Финляндии]»¹¹.

В начале 1920-х годов одной из тем, широко обсуждавшихся в общественных кругах Европы, была паневропейская идея. Побывав в конце 1921 — весной 1922 г. в Вене, Холма познакомился с графом Р.Х. Куденхове-Калерги, но его паневропейской идеей не восхитился: для него Куденхове-Калерги был слишком молодым, идеологическим и неопытным, пожалуй, даже не практичным.

Каких-либо видимых успехов, позволивших оценить его способности как дипломата, Холма в Берлине не добился. Хотя умение поддерживать беседу, вовремя блеснуть остроумием, к месту улыбнуться, иными словами, быть светским человеком, безусловно, было отшлифовано именно в столице Германии. Но и самолюбование, порой оттененное излишней суетливостью, перешло границы настолько, что коллеги с трудом удерживались от иронии. Подчеркнутая озабоченность судьбами родины в годы Второй мировой войны у Холма несколько странным образом сливалась с озабоченностью о судьбе собственного винного погребка.

В октябре 1927 г. Холма получил новое назначение — чрезвычайным посланником и полномочным министром во Франции, а по совместительству — в Бельгии и Люксембурге. За обилием слов в посылаемых в Хельсинки докладах скрывалось отсутствие анализа, если не считать за таковой неоднократно повторявшийся в разных словесных комбинациях вывод: внешняя политика Финляндии должна основываться на том, чтобы не дать повода Германии и другим западным государствам считать Финляндию принадлежащей к какому-либо лагерю. Вместе с тем он

добросовестно передавал оценки французской стороны. Так, в июне 1928 г. он информировал свое руководство, что как в Париже, так и в Варшаве к военным приготовлениям советской России относятся с полным спокойствием¹². Однако со временем оказалось, что опасность подстерегает Финляндию в иной плоскости. Не только советско-французские переговоры о заключении пакта к лету 1931 г. дошли до той фазы, когда пошли разговоры о готовящейся Францией новой изоляции Германии, но и наметившиеся изменения в позиции Польши по отношению к СССР привели Холма к следующему умозаключению: в Европе создается новая политическая конstellация¹³.

Неожиданный поворот в судьбе Харри Холма чуть было не произошел в марте 1931 г., когда президент П.Э. Свинхувуд позвонил ему и предложил возглавить МИД в формируемом правительстве Ю.Э. Сунилы. Холма поспешил отказаться. Внутриполитическая ситуация в Финляндии не предлагала равной замены относительно благостному пребыванию во Франции, к тому же должностной оклад министра был ниже, чем у посланника в Париже. Немалую роль играл, правда, целый набор факторов, побуждавших Холма к отказу: нежелание погружаться в работу с фракциями эдускунты (ранее ему никогда не доводилось контактировать с парламентом), заниматься вплотную отношениями с восточным соседом Финляндии, обремененными огромным количеством проблем, а также расхождения во взглядах на ряд внешнеполитических проблем с руководством коалиционной партии.

В 1930-е годы из Хельсинки в парижскую миссию поступали поручения, выполнение которых априори не могло принести желаемого результата. Так, при подготовке визита главы МИД Рудольфа Холсти в Москву в 1937 г. на Холма возлагалась задача склонить МИД Франции к оказанию поддержки в решении карельских и ингерманландских проблем. Хотя поспешивший позвонить в Хельсинки Холма и выразил откровенно сомнения в успехе данного шага, тем не менее он добился встречи с Дельбосом. Результатом стало обещание французского министра телеграфировать послу в Москве Кулондру, что возвращение Холсти из Москвы с пустыми руками нежелательно¹⁴.

Светская жизнь в Париже продолжалась, как и прежде, тем не менее ощущалось приближение серьезных событий. Холма полагал, что неспособность Франции к достижению компромиссов усиливала стремление Германии и Италии к ускорению процесса наращивания вооружений. В мае 1937 г. он сообщал о беседе, состоявшейся в Париже у одного извест-

ного журналиста с Кулондром. Последний поделился опасениями, что политика его правительства выхолащивает отношения с СССР, что может привести к сближению России с Германией¹⁵. Для финляндского посланника, особенно с весны 1933 г., было очевидным, что во Франции хотя и не желают войны, но считают ее неизбежной. Аншлюсс Австрии Германией в 1938 г. вызвал у Харри Холма полное неприятие: «Не могу согласиться, что бросание маленького государства в гигантскую глотку послужило бы разрядке, самое большое — паузе для облегчения пищеварения»¹⁶. Гитлер напоминал ему Наполеона перед походом последнего в Россию. Осенью того же 1938 г. Холма было поручено прояснить ситуацию, порожденную поднятым еще в апреле–сентябре Борисом Ярцевым в неофициальных контактах с главой МИД Р. Холсти, министром финансов В. Таннером и премьером А.К. Каяндером вопросом о гарантиях безопасности на северо-западе в случае советско-германской войны¹⁷. Именно Каяндер обратился в сентябре к Холма с запросом. Холма оценивал внешнеполитическое положение СССР на тот момент как крайне слабое, чем, по его мнению, было необходимо воспользоваться. Стоит заметить, что крайне низко Холма оценивал тогда и Лигу Наций¹⁸, считая, что та уже не является в принципе живым организмом, который прежде был некоей защитой малых государств, что подтвердил Мюнхен в сентябре 1938 г. Так называемую политику реализма, которой теперь стремились придерживаться малые европейские государства, он характеризовал как безнравственную. Беспокойство у него вызвала полученная от знакомых немецких дипломатов в апреле 1939 г. информация о готовности Гитлера осуществить военную операцию против Польши, хотя сам Холма полагал, что дело на сей раз окончится вторым Мюнхеном. Даже за пару дней до нападения Германии на Польшу он верил в это.

Летом 1939 г. в Хельсинки подыскивали замену посланнику в Стокгольме Ю.К. Паасикиви. Рассматривалась и кандидатура Харри Холма, тот, в конце концов, остался в Париже. С началом советско-финляндской войны для дипмиссии Финляндии в Париже наступили жаркие дни. Не столько работа с общественным мнением (французская пресса сама успешно с этим справлялась), сколько вопросы получения от Франции военно-технической и финансовой помощи требовали огромных усилий. Однако именно последние вызывают двойственное впечатление. Вопрос о военной помощи Финляндии обсуждался французским правительством 19 декабря. Конкретных решений принято не было, но информация, которая была в этот же день доведена до сведения посла Финляндии, была представлена

так, что Х. Холма сообщил в Хельсинки: если Швеция и Норвегия присоединятся к войне, то Франция и Англия направят свои войска на помощь Финляндии. Более того, Холма в тот же день позвонил находившемуся в Женеве председателю норвежского стортинга К.Й. Хамбро и сообщил такую же весть. Генерал М.Г. Гамелен спустя два дня пояснил послу Финляндии, что союзники лишь собираются изучить вопрос об оказании помощи, но то, как продолжал действовать Холма, свидетельствует о том, что слова Гамелена пропали даром. Испорченный телефон заработал. Полученная из Парижа информация подтолкнула начальника политического отдела финского МИД А. Пакаслаhti разослать телеграммы в Лондон, Осло и Стокгольм. Посол в Лондоне Г.А. Грипенберг получил телеграмму следующего содержания: «Холма сообщает: на заседании франц.-англ. верховного совета 19/12 решено: Франция, Англия пошлют войска нам на помощь, если Норвегия, Швеция присоединятся к нашей войне. Проследи за выполнением английских планов помощи, наведи справки. Сообщи, что Хельсинки может для этого сделать. Нам необходима военная помощь войсками». Когда Грипенберг 23 декабря действительно поинтересовался об этом в Форин офисе у Александра Кадогана, то после этого французского посла Корбена ожидала неприятная беседа в английском Министерстве иностранных дел. Кадоган сказал ему, что Франция ведет себя некорректно по отношению к финнам. Впрочем, не только Кадоган, но и возглавлявший английскую делегацию в Женеве Р. Батлер считал премьера Франции Даладье и министра иностранных дел Бонне компаньонами, не заслуживающими доверия и способными на неожиданную политическую выходку¹⁹. Умению возводить нечто из возможностей и осторожности в Париже предпочли просто действие *volente deo*: польские военные корабли нанесут удар по коммуникациям между Петсамо и Мурманском, и неплохо, с точки зрения Парижа, подготовленные к условиям Заполярья польские солдаты высадутся в Петсамо. Очаровательный, как безделушка, план не понравился английскому военному руководству. Высаженные в Петсамо поляки оказались бы на положении ссыльных. К проталкиванию этого плана, впрочем, немало усилий приложил тот же Холма. От него в течение января 1940 г. продолжали поступать все более ободряющие сообщения: союзники пошлют в Финляндию несколько дивизий и начнут военно-морские операции у Петсамо.

28–29 февраля Холма неоднократно встречался с Даладье для обсуждения вопроса о масштабах и сроках помощи. Несмотря на готовность оказать помощь Финляндии, французское правительство не могло не отме-

тить некоторой противоречивости действий финских политиков. В беседе с Кадоганом 29 февраля французский посол в Англии Корбен скажет, что, с одной стороны, Холма передает Даладье благодарность премьера Р. Рюти за стремление Франции поддержать его страну, а с другой — тот же Холма передает слова В. Таннера, произнесенные тем во время последнего визита в Стокгольм: Финляндии не остается ничего другого, как пойти на заключение мира на условиях Москвы.

За окончанием Советско-финляндской войны и подписанием мирного договора в Европе последовала череда событий, фактически нивелировавшая значимость возглавляемой Холма дипломатической миссии. Захват Германией Норвегии и Дании, разгром Бельгии, крах Франции оптимизма не внушали. Вслед за бегством из Парижа правительства Поля Рейно личный состав финляндской дипломатической миссии 11 июня выехал в направлении Тура. Поездка на автомобиле навела посланнику такие размышления: «...в критические времена неспособность самому вести автомобиль может привести к катастрофе»²⁰. В Туре оставаться было невозможно, путь был продолжен в Бордо, где должны были собраться главы эвакуированных посольств. Конечным пунктом, однако, стал Виши. В этом французском городе и осели 36 послов и посланников. В этот период Холма в укреплении позиций Германии в Европе видел даже что-то хорошее. Сближение Германии и побежденной Франции, по его мнению, могло оказаться хорошим противовесом советской угрозе.

В конце 1940 г. германские власти позволили дипломатам посетить Париж, Холма этим воспользовался. Размышляя о причинах поражения Франции, он пришел к выводу о закономерности происшедшего: Франция жила в дурмане победы 1918 г. и эгоцентризма, не обращая внимания на реальность, у нее была закаменевшая администрация, мертвящая бюрократия и преклонение перед традициями.

В начале июня 1941 г. Холма узнал от посланника Финляндии в Берлине Кивимяки, что Германия скоро сделает решающий шаг. Для Харри Холма война Германии с Советским Союзом являлась антибольшевистской, войной против большого мировоззрения, бескомпромиссной борьбой, в которой не будет перемирий, мира, пока одна из сторон не достигнет своих целей.

Летом 1942 г. снова появились слухи о возможном назначении Холма главой МИД, однако и на этот раз они оказались только слухами, но в мае следующего года он получил новую должность — посланника при Святом престоле. Это назначение на пост считалось одним из самых почетных для

дипломатов. Пий XII сердечно приветствовал посланника Финляндии, будучи с ним знакомым с тех времен, когда в 1920-е годы являлся дуайеном дипломатического корпуса в Берлине. Был он знаком и с Луиджи Мальоне, государственным секретарем Ватикана. Холма настойчиво доказывал в Риме, что СССР в случае своей победы будет представлять исключительную опасность для своих соседей, но уже сам осознавал, что Германия проигрывает войну. Для Финляндии война закончилась перемирием 19 сентября 1944 г. Холма остался на своем посту в Ватикане. 1 марта 1947 г. он был назначен посланником в Италии. В докладах из Рима он не предается изложению своих взглядов на европейское будущее, ограничивается исключительно информацией о правительственных кризисах, экономической ситуации и т.п. Италия не была тем центром, в котором принимались судьбоносные решения. Будничное несение службы несколько скрашивало возвращение к прежним научным занятиям, правда, прежнего энтузиазма это у него не вызывало.

В 1953 г. Харри Холма вышел на пенсию. В следующем году, в день своего рождения — 14 апреля — он скончался на Капри.

* * *

¹ Например: *Holma H., Salonen A.*. Some cuneiform tablets from the time of the third Ur dynasty. Helsinki: Societas orientalis fennica, 1940; *Holma H.* Omen texts from Babylonian tablets in the British Museum concerning birds and other portents. Texts: copied and autographed. Leipzig: The Asia publishing co., 1923; *Holma H., Maliniemi A.* Les étudiants finlandais à Paris au Moyen age. Helsinki, 1937.

² Компанию Харри Холма составил Ялмар Прокопе, в 1924–1925 и 1927–1931 гг. возглавлявший МИД Финляндии. См.: *Lemberg M.* Hjalmar J. Procoré — en politisk biografi. Diplomat, politiker, patriot. Hangö: Schildts, 1989.

³ Побывав в Вене, Холма отмечал существенную разницу между Германией и Австрией: Германия неизбежно поднимется вновь, так как у нее есть желание и воля, тогда как в Вене об имперских временах остались только воспоминания.

⁴ Об истории внешнеполитического ведомства Финляндии см.: *Paasivirta J.* Suomen diplomaattiedustus ja ulkopolitiikan hoito: itsenäistymisestä talvisotaan. Porvoo: WSOY, 1968; *Liikanen V.* Suomen diplomaattisen ulkomaanedustuksen kehitys 1944–1969. Helsinki, 1999; *Mansala A., Suomi J.* (toim.). Suomalainen diplomaatti: muotokuvia muistista ja arkistojen kätköistä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003; *Nevakivi J.* Ulkoasiainhallinnon historia. Osa 1. 1918–1956. Helsinki: Ulkoasiainministeriö, 1988.

⁵ *Paloposki J.* Harry Holma (1886–1954) // Suomalainen diplomatti. Muotokuvia muistista ja arkistojen kätköistä. Helsinki: SKS, 2003. S. 97.

⁶ Вспоминая события 1944 г., возглавлявший тогда правительство Финляндии Линкомиес рассказал, как они с главой МИД К.Х. Рамсаем смеялись над одним из рапортов Холмы, в котором повествовалось о его беседе с германским послом в Ватикане Э. фон Вайцзекером. Оба дипломата во время прогулки углубились в обсуждение неких абстрактных тем, в том числе о величайшем значении работы дипломата. Холма заявил собеседнику: «Мы работаем на вечность». Линкомиеса поражал тот факт, что Холма в рапорте правительству считал исключительно важным привести свои слова. См.: *Linkomies E. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–1944*. Helsinki: Otava, 1970. S. 264.

⁷ Н. Holma K. Enckelille, 06.05.1924 // Kansallisarkisto. Н. Holman kokoelma. Kansio 1.

⁸ *Paloposki J. Harry Holma (1886–1954)*. S. 98.

⁹ Н. Holma V. Voionmaalle, 03.04.1927 // Kansallisarkisto. А.А. Yrjö-Koskinen arkisto. Kansio 3.

¹⁰ Suomen Berlinissa ja Wienissä olevan lähettillän raportti, 04.12.1926 // Kansallisarkisto. Kallion kokoelma. Kansio 38.

¹¹ E.N. Setälä H. Holmalle, 04.11.1926. Salamerkkisähki // Ulkoasiainministeriön arkisto. Fb7:89. 7E Neuvostoliitto.

¹² Suomen Pariisissa ja Brysselissa olevan lähettillän raportti, 16.06.1928 // Kansallisarkisto. Н. Holman kokoelma. Kotelo 33.

¹³ Suomen Pariisissa ja Brysselissa olevan lähettillän raportti, 06.06.1931 // Kansallisarkisto. Н. Holman kokoelma. Kotelo 34.

¹⁴ Suomen Pariisissa ja Brysselissa olevan lähettillän raportti, 08.02.1937 // Kansallisarkisto. Н. Holman kokoelma. Kotelo 42.

¹⁵ Suomen Pariisissa ja Brysselissa olevan lähettillän raportti, 11.05.1937 // Kansallisarkisto. Н. Holman kokoelma. Kotelo 42.

¹⁶ Цит. по: *Paloposki J. Harry Holma (1886–1954)*. S. 105.

¹⁷ *Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartossa talvisotaan. II. 1933–1939*. Helsinki, 1971. S. 169; *Hokkanen K. Kyösti Kallio. Osa II. 1930–1940*. Porvoo, 1986. S. 247–251.

¹⁸ Впрочем, еще пятью годами ранее Я. Прокопе в письме Холма удостоил Лигу Наций презрительной оценки: «Лига — это блеф» (Hj.J. Procoré H. Holmalle, 13.07.1933 // Kansallisarkisto. Н. Holman kokoelma. Kansio 11).

¹⁹ *Häikiö M. Maaliskuusta maaliskuuhun. Suomi Englannin politiikassa 1939–1940*. Porvoo; Helsinki, 1976. S. 106, 215.

²⁰ *Paloposki J. Harry Holma (1886–1954)*. S. 108.